

П.С. Гуревич

РАССЛЫШАТЬ СМЫСЛ И ТАЙНЫЙ ЛАД ВСЕЛЕННОЙ

Аннотация. Материал связан с изучением смыслов и ценностей европейской культуры, свойственных ей противоречий и антагонизмов. Автор опирается на две книги, которые вышли в этом году в перечне изданий Светланы Яковлевны Левит, «Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США» и «Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского». Особое внимание уделено сборнику текстов, представляющих культурно-философские работы западных мыслителей. Отмечается огромная, подвижническая деятельность Ренаты Александровны Гальцевой, которая на протяжении многих лет собирает, комментирует и изучает классические труды западной философии культуры. Подготовленные ею сборники значительно расширили пространство исследовательской работы в области философии в советские годы. Они имеют неоспоримую ценность и сегодня, поскольку позволяют доказательно отстаивать достоинство академического мышления, откликаться на духовно-исторические сдвиги, добиваться мобилизации духа европейской философии. Другая книга «Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени», о которой идёт речь, посвящена искусству и культуре Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Авторы этой работы касаются разных аспектов культуры названных десятилетий. Они с огромной осторожностью и бережностью изучили различные процессы, темы и документы этого времени. В целом издание – значительный вклад в изучение культурного потенциала эпохи. В статье использованы принципы историзма, помогающие в данном случае проследить основные тенденции культурно-философской динамики европейской культуры. Аналогичных изданий, столь разнообразных и концептуально стройных, по существу, не было в отечественной литературе. Это не просто соединение значимых текстов, а значительная культурная акция, призванная отстоять огромные приобретения философской классики в связи с преобразованием культурно-философских идей в кризисную эпоху. Сборник «Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США», составителем которого является Р.А. Гальцева, раскрывает огромный опыт культурно-философской рефлексии. Позиции тех или иных философов в этом издании не просто предлагаются читателю. Они получили предварительную экспертизу с учетом тех идейных размежеваний, которые происходят в современном мире. Только в спорах и дискуссиях может продолжаться освоение огромного классического наследия по философии культуры. В сборнике не только даны оценки конкретным идеям, но обозначены также основные тенденции в динамике этого блока философских знаний.

Ключевые слова: философия, культура, цивилизация, разум, игра, архетип, творчество, история, миф, искусство.

Abstract. This material is associated with examination of the meanings and values of the European culture and characteristic to it controversies and antagonisms. The author leans on the two books, which came out this year in the list of publications by Svetlana Yakovlevna Levit – “Self-consciousness of Culture and Art. Western Europe and the United States” and “Art and Culture of Europe during the Renaissance and Modern Times. Compilation of Works in honor of Vsevolod Matveevich Volodarsky”. Special attention is given to the chrestomathy that represent the cultural-philosophical works of the Western thinkers. The author highlights the activity of Renata Aleksandrovna Galtseva, who throughout many years collects, comments, and studies the classical works of the Western philosophy of culture. She also reveals a great experience of the cultural-philosophical reflection. The prepared by her compilations significantly expanded the space of the research work in the area of philosophy during Soviet times. They have an undisputable value even today, since they allow defending the dignity of academic thought, responding to the spiritual-historical shifts, as well as achieving mobilization of the spirit of the European philosophy. The authors of the book “Art and Culture of Europe during the Renaissance and Modern Times” touch upon various cultural aspects of the aforementioned decades. They carefully and attentively examined different processes, topics and documents of this time, contributing into the study of cultural potential of the era. These works are not only the collection of the important texts, but also a meaningful cultural campaign that is called to defend the great acquisitions of the philosophical classics due to the transformation of cultural-philosophical ideas during the crisis era.

Key words: Art, Myth, History, Creative work, Archetype, Game, Mind, Civilization, Culture, Philosophy.

О НАШЕМ ТАЙНОМ, СОКРОВЕННОМ...

Рецензия на книгу:

Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США / Сост. Р.А. Гальцева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 640 с.

Книга включает труды западных мыслителей, сохраняющие актуальное значение для современной философии культуры. В ней представлены работы О. Шпенглера, Й. Хёйзинги, М. Хайдеггера, К. Юнга, М. Вебера, Ж. Маритена, Г. Честертона, Х. Ортеги-и-Гасета, В. Вейдле, Г. Бёлля, Г. Марселя. Нет нужды специально подчёркивать, что издание такого рода позволяет ввести в научный оборот множество философских текстов, которые принадлежат видным представителям европейской культуры. Поскольку этот сборник рецензируется не впервые, напомним, что он представляет собой третье, дополненное и исправленное издание антологии «Самосознание европейской культуры XX в.».

С 1991 г. в стране случилось немало. Конечно, изменилась ситуация на книжном рынке. Но и в самом общественном сознании произошли перемены. В отечественной литературе значительно расширилось представление о западной философии. Если в своё время классические философские тексты выходили под грифом «Для служебного пользования», то в наши дни издательства, озабоченные доходами, нередко выпускают в свет такие труды, которые ранее многим были недоступны. Скажем, в наши дни К.-Г. Юнга издают часто (Назовем, к примеру, книгу издательства «Канона+»: [6].) Не обойдён вниманием ни О. Шпенглер, ни Г. Марсель.

Отбор текстов в сборнике отличается академизмом и философским вкусом. Разумеется, современный научный сотрудник имеет множество источников для пополнения своих знаний о европейской философии. Но всякая антология имеет дополнительную ценность. Она вводит читателей в широкую панораму философских идей и тем. Она в то же время позволяет видеть философскую картину целиком, даёт представление о том, что «думает» западная цивилизация о себе, выстраивая свой идентификационный образ.

Любая антология не может быть безбрежной. Р.А. Гальцева как издатель и как исследовательница обладает безоговорочным авторитетом. Но ей как составителю и принадлежит право отбора нужных философских текстов. В сборнике нет, к примеру, работ постмодернистов, хотя западная философия невозможна сегодня без этого направления. Книги постмодернистов издаются постоянно. Но у

составителя есть свои предпочтения. Почитаем у Р.А. Гальцевой: «Сейчас выходят разные словари по постмодернизму; я полистала один такой словарь (литературоведческих терминов) и поняла, что собираемые в нём сведения мне абсолютно не нужны и, надеюсь, никогда не понадобятся (если не будет лагерей по перевоспитанию и курсов постмодернистского ликбеза)» [3, с. 194]. Сказано, вообще говоря, по частному поводу. Словарь литературоведческих терминов, возможно, и не лучший образец постмодернистской философии. Но составитель имеет полное основание для оценки новейших течений гуманитарной мысли: «Речь, понятно, идет о постструктурализме, деконструкционизме, исторической археологии», занятых разложением на составные части больших идей и понятий с последующей редукцией их к мотивам низшего порядка» [1, с. 5].

Редукционизм действительно стал когнитивной модой. Им обычно обозначается тенденция сводить сложные феномены к простой сумме составных частей, которые считаются онтологически первичными единицами, имеющими причинный характер [4, с. 41]. Нетрудно заметить, как новое ошеломляющее научное открытие в процедуре редукционизма неожиданно стягивает к себе огромное мыслительное пространство. Возникает убеждение, что именно это открытие является путеводным ориентиром, способным надёжно ориентировать нас в лабиринте науки. Незамедлительно отводятся в сторону внушительные пласты знания, давно получившие методологический статус. В сборнике под редакцией Р.А. Гальцевой немало подобных иллюстраций. Так, она показывает, как релятивизм отнимает и культуры смысл и самобытие. Так выстраивается иная, нежели принятая в философской классике причинно-следственная связь, которая устраняет более сложные, чем, допустим, в классической философии культуры зависимости, которые могли бы участвовать в процессе научного объяснения динамики культуры. Редукционизм опасен тем, что он упрощает картину мира, сложность проблем, предлагает банальное решение, которое оказывается заведомо неверным и опасным.

Можем адресовать наше кредо редукционистам: оставьте нам философскую классику без ваших преобразований. Позвольте остаться с Р. Гвардини, О. Шпенглером, М. Хайдеггером, Ж. Маритеном, Г. Марселем.

К прежнему выпуску присоединена новая рубрика, посвящённая критической и теоретической мысли писателей XX столетия: Ф. Мориака, Э. Ионеско, Р.П. Уоррена, Р. Брэбери, Дж. Гарднера, а сре-

ди переведённых работ появилась книга Романо Гвардини «Конец Нового времени». Первый раздел книги «Панорама культурфилософских идей нашего времени» открывается статьей Ренаты Гальцевой. Это её размышления о сложности отбора тенденций, подходов и установок. Это её обязанность представить основные традиции западноевропейского мышления. Противовесом рационалистической традиции европейской культуры в оценке составителя выступает «философия жизни». Лично я не уверен, что в наши дни скрупулёзное различие рациональной и иррациональной традиции сохраняет свою методологическую ясность. Да и составитель утверждает: «...произвольно волевое обращение с бытием может выступать и в рационализирующей форме» [1, с. 10]. Но трудно возразить Р. Гальцевой, когда она утверждает, что в философии жизни установка на понимание сменяется волевым отношением к миру.

Масштаб влияния Ницше на русскую философию, в частности, столь универсален, что рождается даже удивление: неужели разнообразие умонастроения русской мысли только и ждали откровений Ницше (подробно об этом влиянии см.: [2]). Парадоксально, но иррационализм возникает как радикальное продолжение рациональности. Здесь вина гипертрофии рассудочности, абстрактного рационализма. Всё же трудно предположить, что идейные размежевания культурфилософской мысли инициированы только когнитивными разногласиями и моральным обнищанием. Что такое «запросы жизни», если не учитывать социально-исторические процессы в их чудовищном разломе и представленном цинизме? Разве понятие «абсурда» не укоренено в самой реальности, а придумано экзистенциалистами?

Шпенглер, разумеется, мифолог. Разъединённость культур всё-таки не только выдумка, но и определённая реальность. Культуры, существующие сегодня на Земле, склонны сохранять собственную идентичность в противовес глобализму.

Да, человеческий разум – неоспоримое достояние человечества – подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. Но за последние годы, в том числе и представители восточных культур, всё чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность

и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же, толкуя о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций, иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Кстати, эта догадка посещала и К.-Г. Юнга.

Игра обычно рассматривается как форма человеческой деятельности. Порой её противопоставляют труду, имея в виду полезность и неизбежную ценность практической активности людей. Э. Финк, стремясь выделить основные грани человеческого бытия, рассматривает их как рядоположенные: труд, игра, любовь, смерть. Между тем игра носит универсальный характер и пронизывает все другие аспекты человеческого существования. Неизбыточно игровое начало в труде. Перестраивая мир с помощью деловой активности, люди вносят в этот процесс множество разведывательных и соревновательных компонентов. Участие в конкуренции, агональное соперничество, хотя и опирается на трезвые расчёты, немислимы без азарта, воодушевления, парадоксальной инициативы, свободного творчества. Неслучайно культурологи полагают, что игра появилась значительно раньше, чем труд. Более того, есть основание думать, что труд порождён игрой.

Игра – универсальный способ освоения бытия. Ещё не обладая навыками приспособления природы к своим нуждам и потребностям, наши далёкие предки, словно приглашая её к соучастию, не ведая её законов, искали неожиданной удачи и откровения. Искатели игровой авантюры пробовали свои силы в состязании с природой, бросая подчас ей вызов и добиваясь успеха. Не будь игры, человечество так и осталось бы на уровне растительной жизни. Ни розы, ни тополя не могут втянуться в такой азартный процесс, оставаясь заложниками инстинкта.

Бытийственность игры несомненна. Но сама трактовка игры в социокультурном пространстве может быть различной. Справедливо отмечено Р.А. Гальцевой: «...культура, понятая прежде всего сквозь призму коллективно-агональной игры, потенциально созвучна с неопрIMITивом “футбольного века” (Ортега) и вообще формами современной коллективной одержимости» [1, с. 19]. Несомненно, что любая грань человеческого бытия, выделенная Э. Финком, может бытийствовать по-разному. Труд, к примеру, может обрести самое превратное уподобление, как отметил Ж. Бодрийяр. Стоическое отношение к смерти способно обернуться массовым суицидальным порывом.

Р.А. Гальцева безоговорочно права, когда речь идёт о проведении необходимой разделительной линии между классикой и современным мифотворчеством в культуре. К сожалению, в разряд мифотворцев попадают едва ли не все известные исследователи культуры. Своеобразную индульгенцию получает, во-первых, Р. Гвардини. Здесь мотивация очевидна. Во-первых, он – правоверный католик и, следовательно, избегает соблазна иррациональной новизны. Во-вторых, придерживается традиционных представлений о благом мироустройстве и роли в нём разума. Но ведь и Гвардини утверждает, что в культуре не обойтись без смены новых воззрений на человеческое бытие, чувствование, понимание и видения бытия. Можно обращаться к традиции, но всё равно появляется гуманистическая критика. Да, действительно, Новое время рождает идею личности. Это, конечно, замечательно, поскольку соответствует рационалистической концепции культуры. Но так ли это толкуется у Гвардини? Он ведь указывает на то, что из-за этого теряет объективную точку опоры, которая прежде у него была. А это означает, что невозможно обойтись в «составе» культуры появление нового страха, отличного от страха средневекового человека. Более того, возникает, согласно Гвардини, чувство оставленности, даже угрозы [1, с. 185]. Словом, без погружения в человеческую психику не понять и весь строй культуры.

Культура универсальна и многоаспектна. Разве её содержание диктуется только разумом, рациональной деятельностью? Где же тогда свойственная культуре молитвенная страсть, её толчки, интуитивное прозрение? Переходя от текста, мы постоянно думаем, что, вообще говоря, анализируется: сама культура с её многочисленными обнаружениями или только её рациональный конструкт? Ясное дело, что миф придумал не Хайдеггер. И не случайно в его культурфилософии современное мифомышление, как подчёркивает Р. Гальцева, одерживает, пожалуй, наибольший триумф [1, с. 21]. Конечно, мифотворчество в современной культуре возникает не по воле Хайдеггера или Юнга.

Говоря о культуре, мы, прежде всего, имеем в виду её рациональное содержание. Понятное дело, что философский трактат, научное сочинение, богословский текст или прозвучавшая симфония могут трактоваться как порождение человеческого разума. Культура содержательна, потому что она творится сознательным человеком. Поэтому в ней без труда обнаруживается рациональная сущность. Но тот же Вебер не забывает упомянуть о вдохновении. А толкуя об эстетике, он пишет: «Она не ставит вопроса о том, не является ли царство

искусства, может быть, царством дьявольского великолепия, царством мира сего, которое в самой своей глубине обращено против Бога, а по своему глубоко вкоренившемуся аристократическому духу обращено против братства людей» [1, с. 152].

Весьма трудно представить себе развитие философии культуры без таких исследователей, как К.-Г. Юнг. Именно он открыл пути для проникновения восточной культуры на европейскую почву. Можно согласиться с тем, что смысловая содержательность архетипов не обладает предельной ясностью. Однако его полезность в анализе культурных процессов несомненна.

РАСКРЫТЬ В ДУШЕ СОКРЫВШЕГОСЯ БОГА

Рецензия на книгу:

Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 416 с.

В сборнике участвуют известные специалисты, досконально знающие культуру обозначенного хронологического этапа. Впрочем, их объединяет ещё один замысел. Они чествуют Всеволода Матвеевича Володарского в связи с 80-летием этого крупного учёного. Его исследования вошли в арсенал современной отечественной историографии. Научная общественность знает В.М. Володарского как крупного специалиста по истории ренессансной культуры в Германии, Швейцарии и Нидерландах. Что касается самого сборника, то в нём представлены труды по истории культуры, общественно-политической мысли и искусства позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Некоторые исследователи, как известно, утверждали, что Средние века завершились 1600-м годом. Затем в трудах этих учёных обозначалось начало Нового времени. Эпоха Возрождения в такой перспективе оказывалась почти нулевой. В самом деле, не просто выстроить в линейку движение эпох, когда европейское человечество сталкивается с метаисторическим прорывом от Средневековья с его культом небытия к эпохе прославления безграничного очарования природы и гордости за полнокровное живое существо – человека.

Ренессанс как эпоха беспредельно щедр и разнообразен. Вероятно, это и создаёт названные трудности при обозначении хронологических рамок этого феномена. Именно поэтому привлечённые специалисты старались обратить внимание на те уникальные духовные процессы и явления обще-

ственной практики, которые характеризовали происходящие глубинные преобразования. Как отмечается в аннотации, особое место уделено восприятию и усвоению европейской культурой исторического опыта иных народов и цивилизаций – как прошлых, так и открытых на рубеже Нового времени. Все указанные темы входят в круг исследовательских интересов юбиляра.

Преобразовательский характер эпохи настолько очевиден и основателен, что в общественном сознании эпохи Возрождения рождается даже идея начала истории. Всё, что происходило прежде, можно рассматривать как бурлящую и не до конца оформленную предысторию человечества.

Сборник неплохо структурирован. Он разбивается на тематические блоки. При этом учитываются как общефилософские проблемы, так и отдельные сферы социальной жизни: религия, политика, история, юридическая практика, культура. Отдельно представлено изобразительное искусство. Книга, собственно, и открывается отличными репродукциями художников Возрождения.

Ещё одна особенность сборника состоит в том, что её авторы не стремились к постановке общих, крупных тем. Чаще всего мы встречаемся с отдельной подробностью культуры, с частными аспектами жизни известных представителей этой эпохи. Скажем, Н.В. Ревякина в разделе «Человек в культуре Возрождения» пытается охарактеризовать природу человека в итальянском гуманизме XV в. Речь действительно идёт о том, что гуманисты признают силу природного в человеке. Но этим названная тема не исчерпывается. Именно в эпоху Возрождения возникают глубокие антропологические вопросы: является ли человеческая природа стабильной или она преобразуется в каждую эпоху? Допустимо ли говорить об эволюции человека только в биологическом смысле? Эти вопросы в материале Н.В. Ревякиной не освещаются. Она обращает внимание на то, что, по мнению мыслителей эпохи Возрождения, люди по определению не злы, а, напротив, добры. Автор касается тем воспитания и обучения, развития человеческих способностей. В статье есть попытка сопоставить взгляды возрожденческих философов с некоторыми современными представлениями.

В материале Л.В. Софроновой обсуждается эротическая тема. В послании Эразма Роттердамского монаху Сервитию Рогеру просвечиваются некоторые интимные подробности жизни Эразма. Хотя, конечно, не исключено, что люди того времени выражали свои чувства на таком страстном языке. Неслучайно автор материала полагает не без оснований, что интерпретация переписки Эразма и

Рогера в контексте маскулинной дружбы кажется более адекватной, чем иные «окончательные» соображения на этот счёт.

Профессор Алоис Шмид проделал основательную источниковедческую работу. Он отыскал в Государственной библиотеке Регенсбурга небольшой автограф Иоганна Авентина. Не исключено, что это обещает новые интересные монографии или даже критические биографии Авентина. Томас Моффет, как явствует из материала О.В. Дмитриевой, – знаковая фигура в истории английской медицины. Ради целительства он отправился в Италию и Испанию. Там он увлёкся разведением тутового шелкопряда. Именно в результате этой затеи он стал одним из первых английских энтомологов.

В разделе «Изобразительное искусство: жанры и темы» помещены заметки М.А. Юсима об одном из самых замечательных произведений живописи, созданных в ренессансную эпоху, – «Портрете молодого рыцаря» Витторе Карпаччо. Это, пожалуй, самая значительная картина художника. Она выделяется на фоне остальных как мастерством художественной техники, так и общей концепцией. Т.В. Сонина описывает ювелирное искусство Франческо Франчи. При этом она прибегает к жанру реконструкции. Само творчество Франчи оценивается как редкий случай счастливого равновесия между живописцем и ювелиром.

В материале О.Г. Махо речь идёт о создании студиоло – небольших помещений, где люди могли отдаваться духовным занятиям. Оказывается, это одно из примечательных явлений культуры Возрождения вообще. В культуре Возрождения огромную популярность имели книги эмблем. В XVII в. «эмблематическая продукция» становится обильной. Об этом говорится в материале М.К. Поповой.

Предметом глубокой заинтересованности становится в разделе «Религия и политика» трактат Франческо Петрарки «О средствах против всякой судьбы». Это произведение, по словам Н.И. Девятайкиной и А.А. Бочкарева, поражает богатством тематики, эрудицией, глубиной, культурой, актуальностью суждений, любовью к жизни и людям, общественным темпераментом и личными реакциями на многие события. Уже высказывалось мнение о том, что всё творчество Петрарки, взятое в своей совокупности, определило «конфигурацию Возрождения как типа культуры». Однако авторы дают трактату ещё более радикальную оценку. Они рассматривают анализируемый трактат как перекрёсток, на котором сошлись Ренессанс и Реформация, Италия и Германия. Замечательно, что в приложении приводится и сам диалог Петрарки «О религии» из трактата «О средствах против пре-

вратностей судьбы» (пер. с лат. Л.М. Лукьяновой).

О.Э. Новикова представляет читателям нидерландского гуманиста Юста Липсия. Она называет его выдающимся учёным своей эпохи. О.В. Новикова пишет: «В трактате “Политика” он предложил универсальную надконфессиональную политическую систему, связывающую воедино принципы этики и государственного интереса. В настоящее время Липсия считают не только величайшим гуманистом Нидерландов после Эразма, но и одним из влиятельных философов и политических теоретиков XVI-XVII вв.» [7, с. 137]. Липсий был приверженцем стоической философии. Он трактовал путь стоика как процесс обуздания пороков через осознание их неприемлемости для человека. Трактат «О Постоянстве в дни общественных бедствий» помещён в книгу в качестве приложения (пер. с лат. и комментарии О.Э. Новиковой).

Курфюрст Фридрих Саксонский Мудрый оценивается как возможно одна из наиболее таинственных фигур в истории европейской Реформации. Историческая заслуга этого человека в том, что он защитил Лютера и таким образом спас его от смертной казни, от приговора, который вынес реформатору император Священной Римской империи Карл V в 1521 г. В.А. Дятлов стремится показать, каким причудливым образом переплетались в фигуре этого человека религиозные, государственные и личностные мотивы, как они сочетались в его церковной политике. По сути дела, смысл жизни курфюрста диктовался не только политическими мотивами. Это был мучительный выбор «правильной» веры и подлинного благочестия.

«Непридуманная жизнь комитатского нотариуса XVII в. в интерьере эпохи», Так называется в сборнике статья Т.П. Гусаровой. Речь в материале идёт о чрезвычайно популярном и влиятельном в своей среде Пале Семере. XVII век в венгерской истории именуют веком дворянства. Пал Семере – дворянин с древней родословной, богатейший землевладелец, один из самых влиятельных политиков своего времени. Имея высокий статус, богатство и авторитет, он так и не вошёл в состав высшей знати – баронов и магнатов королевства. И это, судя по всему, определенная тайна его жизни.

Весьма интересен раздел «Репрезентация власти и дипломатия». Он открывается статьей М.А. Бойцова «Нюрнбергская гордость, “корона с дугой” и покойные императоры». Нюрнберг – безоговорочно примечательный город. Это своеобразная столица немецкого гуманизма. Достоинно внимания, что здесь использовалась особая форма сотворения политического образа покойного деятеля. В «псевдогроб», а иногда и на «катафалк»,

под ним укладывали «корону с дугой», скипетр и державу с крестиком наверху. «Короной с дугой» называли, как правило, императорскую корону. Так оказывалась особая честь усопшему политику. Траурные церемонии по императорам в Нюрнберге приобретали со временем и новые черты. Оставаясь общеимператорским символом, корона, чем дальше, тем больше, становилась частью партикулярной идентичности.

Предмет статьи Е.Э. Караваевой связан с историей ритуалов и международных отношений первой четверти XVI в. Речь идёт о королевских похоронах. Анализируется поминовение в Англии иностранных государей, смерть которых пришлось на первое десятилетие правления Генриха VIII. Эти траурные церемонии служили одним из наиболее необычных способов демонстрации приверженности короля универсалистским наднациональным рыцарским ценностям.

Шифровальное дело в Англии, можно подумать, всего лишь частность политической жизни. Однако Е.Г. Домнина анализирует шифры в дипломатии ранних Тюдоров. Как показано в статье, существовали шифровальные системы. Расшифровка этих документов позволяет делать неожиданные выводы о роли в политике некоторых дипломатов. К статье прилагается Письмо Томмазо Спинелли Леонардо Спинелли.

Следующий раздел – «История и космография: пути созидания нации». А.В. Доронин рассказывает в своём материале, как немецкие гуманисты роднились с древними греками. Подражание древности, реконструкция её образцов, почтительное использование её языков чрезвычайно присуще Возрождению. Собственную идентичность эта эпоха осмысливала через античную культуру. Автор пишет: «На латыни, по возможности прибегая к древнегреческому и древнееврейскому, гуманисты общались между собой. Овладение этими языками являлось неотъемлемой, базовой частью гуманистической образованности и её наиболее важным атрибутом. Но если латинская традиция христианизировалась в веках и обрела в представлении Ренессанса легитимацию не только культурную, но и нравственную, стала языком учёности и грамоты вообще, одной из основ (наряду с christianis) нарождающегося в XV в. (перед лицом экзистенциальной турецкой угрозы) единого европейского культурного сообщества с её ценностями, то гомеровская предстала безо всяких оговорок языческой, к тому же принадлежащей прошлому, а не настоящему» [7, с. 271-272].

Об истоках французской нации размышляет в сборнике И.Я. Эльфонд. Автор отмечает, что в эту

эпоху каждый народ стал испытывать тягу к самоидентификации, к становлению национального самосознания. Процесс самоотождествления неизбежно порождает образ врага Франции и французов. Этим и определяется во многом становление национальных государств. Политическая идеология этого времени строилась на неприятии всего инородного. Особую ценность приобретает в сборнике свод знаний о русских землях середины XVI в.

Так анализируется «Всеобщая космография» Себастьяна Мюнстера.

Немалое значение имеют и два последних раздела сборника: «Юридическая культура и практика» и «Культура и социум». Итак, издание отличается значительным реестром самых различных проблем. Зачастую за приватной частностью авторов-аналитики усматривают повод для серьёзных исследовательских выводов.

Список литературы:

1. Самосознание культуры и искусства. Западная Европа и США / Сост. Р.А. Гальцева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 640 с.
2. Бонетская Н.К. Дух Серебряного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 720 с.
3. Гальцева Р.А. Эпоха неравновесия. Общественные и культурные события последних десятилетий. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с.
4. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Размежевания и тенденции современной философской антропологии. М.: ИФ РАН, 2015. 161 с.
5. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 320 с.
6. Юнг К.-Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 336 с.
7. Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 416 с.

References (transliterated):

1. Samosoznanie kul'tury i iskusstva. Zapadnaya Evropa i SShA / Sost. R.A. Gal'tseva. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 640 s.
2. Bonetskaya N.K. Dukh Serebryanogo veka. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 720 s.
3. Gal'tseva R.A. Epokha neravnovesiya. Obshchestvennye i kul'turnye sobytiya poslednykh desyatiletii. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 320 s.
4. Gurevich P.S., Spirova E.M. Razmezhevaniya i tendentsii sovremennoi filosofskoi antropologii. M.: IF RAN, 2015. 161 s.
5. Yung K.-G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2016. 320 s.
6. Yung K.-G. Arkhetip i simvol / Sost. i vstup. st. A.M. Rutkevicha. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2016. 336 s.
7. Iskustvo i kul'tura Evropy epokhi Vozrozhdeniya i rannego Novogo vremeni. Sbornik trudov v chest' Vsevoloda Matveevicha Volodarskogo. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 416 s.